

Наброски портретов Наполеона Бонапарта.
Жак Луи Давид

ГЛАВА I

БОНАПАРТ

С 1769 года до отъезда в итальянскую армию
(11 марта 1796 г.)

Наполеон.
Бюст работы
Бертеля Торвальдсена

У людей, родившихся, образно говоря, на ступенях трона, есть, среди многих прочих, одна очень важная привилегия. С самого нежного возраста кисть прославленных мастеров живописи увековечивает их детские черты. Можно до бесконечности продолжать список всех этих эрцгерцогов, инфантов, дофинов, принцев крови, чьи лица запечатлели Ван Дейк, Веласкес, Клуэ, Риго, Рейнольдс и чьи портреты затем приобрели мировую известность благодаря стараниям граверов. Поэтому можно без особого труда изучить иконографию Филиппа IV, Карла I, Людовика XIV, Франциска II во все годы их жизни... Совсем другое дело, если вы попытаетесь восстановить историю становления личности Наполеона, выстраивая в хронологическом порядке по возможности всю совокупность существующих его изображений.

Наверное, ни один человек в истории, по крайней мере, до наших дней, когда возможность репродуцирования увеличивает до бесконечности количество самых заурядных картинок, не был так часто изображаем, как Наполеон, причем во всех странах и в самых разных видах искусства...

Однако можно с уверенностью утверждать, что ни одного портрета Бонапарта в детском возрасте не было сделано с натуры. Нам придется смириться с тем, что мы никогда не узнаем, как в действительности выглядел маленький нелюдим из грота Миллели, или «молодой корсиканец, ловец бабочек», чье изможденное лицо с орлиным профилем, напоминающее маску Цезаря, впоследствии с таким мастерством изобразили на своих полотнах Герен, Гро и Давид. Рожденный вдали от трона, он не мог рассчитывать на то, что с юных лет придворные живописцы будут запечатлевать его черты.

Император Наполеон в детстве.
С гравюры эпохи Империи

Семья Бонапартов, изгнанная победившими гвельфами и укрывшаяся в начале XV в. на Корсике, когда-то принадлежала к числу именитых итальянских фамилий. Они упоминаются в Почетной книге города Болоньи, а также среди патрицианских семейств Флоренции. Бонапарты были связаны семейными узами с самыми знатными домами Тосканы и даже с самими Медичи. К этому роду принадлежали несколько правителей Тревизо. Имя Наполеон сохранилось в семье Бонапартов в память об одном из родственников, Наполеоне дез Юрсене, отличавшемся храбростью и военными талантами. Николо Буонапарте, знаменитый юрисконсульт, основал в университете Павии кафедру юриспруденции, а его племянник Джакомо оставил нам самое удачное описание разграбления Рима солдатами де Бурбона, коннетабля Франции... Имя Бонапарт вписано также в анналы итальянской дипломатии. Подпись одного из Бонапартов скрепляет торговый договор между Ливорно и Сарзани. И, наконец, мать папы Павла V была из рода Бонапартов.

Только в начале второй итальянской кампании его лицо, озаренное пламенем битвы, стало известно миру. История Наполеона в произведениях изобразительного искусства начинается 17 ноября 1796 года. Именно тогда, живописуя героизм победителя в бою при Арколе, Гро навеки запечатлел для потомков черты «Корсиканца»: прямые волосы, жесткий подбородок... Таким он был, нервный, порывистый герой

Маренго, Риволи, египетских пирамид, исхудалый заговорщик 18 брюмера. Этот портрет послужит моделью для бесчисленных более или менее удачных интерпретаций образа Бонапарта, со времени той итальянской кампании до наших дней.

На этом небольшом эстампе Бонапарт сам управляет лодкой со своим семейством, изгнанным с Корсики. Их дом сожгли сторонники Паоли (1793 г.). «Огонь оставил их без крова, изгнание лишило родины...».

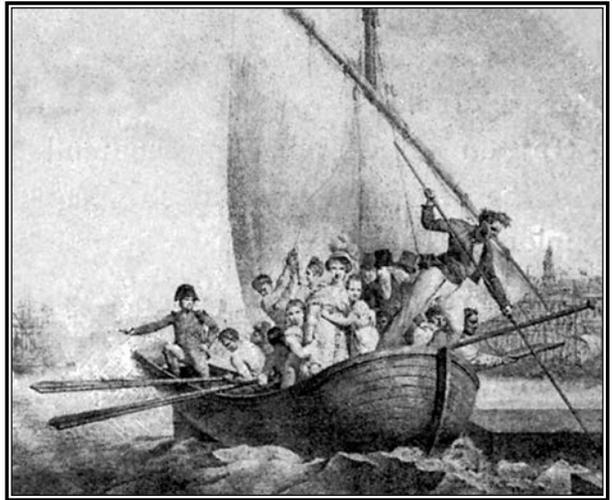
Капитан Бонапарт выразил Паоли свое возмущение, когда тот, побуждаемый ненавистью к Французской республике, замышлял предать Корсику англичанам. Эта тирада молодого капитана Бонапарта в ответ на посулы Паоли ознаменовала окончательный разрыв отношений между двумя корсиканцами.

– Как, вы предлагаете нам отделиться от Франции теперь? – возмутился Бонапарт. – Мы никогда не согласимся на это! Самые насущные наши интересы, наши обычаи, привычки, наша честь, слава, наши

торжественные клятвы – все требует, чтобы Корсика была частью Франции! Нынешняя анархия, порождение великой Революции, продлится недолго. Все изменится. Порядок неминуемо воцарится вновь, законы будут приведены в соответствие с идеями нового века, и Франция очень скоро достигнет вершины славы. И я должен ее покинуть! И это говорите мне вы, генерал, вы говорите, что следует предаться Англии! Продажная Англия стала защитницей свободных народов! О, какое заблуждение! Наша удаленность, наш язык, характер, все решительно противится соединению с королевой, которая бесчинствует на морях и землях, ей не принадлежащих!

После разрыва с Паоли, который пользовался в то время большим влиянием на Корсике, Бонапарт отплыл во Францию на утлом суденышке, на борту которого находились, кроме самого будущего императора, его семья и все его достояние. Позади остались отчий дом и земли, сожженные и разграбленные разъяренной толпой.

Данная книга ставит своей целью ознакомление читателей не только с портретами Наполеона, написанными с натуры (такой сюжет был бы слишком бедным), но и с многочисленными интерпретациями его образа, выполненными в разное время и изображающими его то в одиночестве, то в центре сложной ком-

Прибытие во Францию.
С литографии Раффе

позиции, заполненной другими персонажами и действием. Поэтому мы обязаны отметить несколько интересных, созданных уже после итальянской кампании работ, чьи сюжеты, однако, зачастую трактуют события гораздо более раннего времени. Это относится к рисунку Жюль Лорана, на котором художник изобразил маленького Бонапарта сидящим среди книг в гроте Миллели, в просторечии именуемом гротом Наполеона.

Набегавшись среди густых зарослей, которыми покрыт его родной край, будущий император любил предаваться размышлениям и учить уроки в этом прохладном уединенном уголке, тишину которого нарушали только посвистывание дроздов, песни ветра, играющего ветвями миртов и олив, да плеск морских волн.

По крайней мере, такое описание оставил нам барон де Костен, благоговейный и неутомимый биограф первых лет жизни Наполеона. Достоверность его рассказов подтверждает сам Наполеон, оставивший потомкам свидетельство того, какой привлекательностью обладал в его глазах ставший впоследствии знаменитым грот. Широко известное его письмо к Буттафуоко от 23 января 1790 года, гневное, уничтожающее послание, которое он потом опубликовал под заголовком «Письмо Буонапарте г-ну Маттео ди Буттафуоко, генералу армии короля, депутату от дворянства Корсики в Учредительном собрании».

Следует прочитать эту филиппику целиком, чтобы оценить страстную революционную убежденность молодого Бонапарта. Вот один из наиболее характерных ее пассажей. «О Ламет! О Робеспьер! О Петсион! О Вольне! О Мирабо! О Барнав! О Байи! О Лафайет! – восклицает Бонапарт, набросав поистине омерзительный портрет генерала-роялиста. – И этот человек смеет сидеть среди нас! Весь пропитавшийся кровью своих братьев, замаранный всевозможными преступлениями, он, как ни в чем не бывало, предстает здесь в генеральском мундире, незаконно полученном в награду за свои злодеяния! Он смеет называть себя представителем нации, он, эту нацию продавший, и вы это терпите! Это глас народа, за который проголосовала всего дюжина дворян. И это глас народа, с чувелом которого Аяччо, Бастия и большинство кантонов сделали то, что им хотелось бы сделать с ним самим¹.

Неужели вы, кого минутное заблуждение, а может быть, обман, заставляет противиться дальнейшим переменам, будете терпеть этого предателя, под внешней хладнокровной рассудительностью которого прячется лакейская алчность? Я не могу себе этого представить. Вы первые с позором прогоните его, как только перед вами откроется паутина сплетенных им мерзостей.

Из моего кабинета Миллели,
29 января II года».

Среди картонов, хранящихся в Национальной библиотеке, есть гравюра в виде виньетки работы неизвестного художника, датируемая, скорее всего, последними годами

¹Чувело Буттафуоко было публично сожжено.

Империи, которая, по-видимому, предназначалась для украшения биографии. На ней изображен Бонапарт в возрасте 6–7 лет, в костюмчике придворного *baby*, стоящего в аллее огромного парка среди высоких деревьев. Он рассказывает выученный урок своей матушке, сидящей справа от него. Однако гравюра эта, довольно искусно исполненная, с точки зрения исторической достоверности никакого интереса не представляет.

В этом же собрании я обнаружил прелестную литографию работы Раффе, изображающую гостиную старого дома Бонапартов в Аяччо, в которой очень живописно сгруппированы главные члены семьи. С глубоким вниманием они слушают доброго дядю Люсьена, архидьякона, который предсказывает юному Наполеону славную судьбу и приводит его в пример братьям. Задумчивость, приданная художником чертам главного персонажа композиции, исполнена забавной выразительности.

Как и два уже воспроизведенных эстампа Дени Раффе, данная литография является частью исторической серии из 25 гравюр, выполненных большим мастером и повествующих о главных событиях жизни Наполеона Бонапарта от рождения до 18 брюмера.

Раффе не побоялся издать свою «Историю Бонапарта» в 1826 году, в разгар Реставрации. Ему было тогда всего 22 года, и он работал еще в мастерской у Шарле.

Годы, проведенные Бонапартом в Бриенне, а затем в Парижской военной школе (1784–1785), отобразены в значительном количестве эстампов, часть которых выполнена неизвестными художниками, другие же подписаны знаменитыми мастерами, такими как Шарле, Раффе, Орас Верне и др.

В большинстве этих работ будущий герой Аустерлица, чьи боевые наклонности проявлялись, похоже, при всяком удобном случае, изображен в знаменитой позе, которую он прославит позже – правая рука заложена в вырез жилета. Так на литографии Ораса Верне он, всем своим видом свидетельствуя о непререкаемом авторитете, командует сражением, которое ведут, кидаясь снежками, его одноклассники, «уже подпавшие под власть его зарождающегося гения».

Шарле, напротив, в своих знаменитых литографиях, объединенных одним сюжетом, показывает Бонапарта погруженным в глубокое раздумье. Здесь все внимание приковано к личности героя. Это по сути своей портреты, пусть и воссозданные по документам, но, тем не менее, обладающие значительной степенью достоверности, если

Любимец семьи Бонапартов.
С литографии Дени Раффе

Портрет Бонапарта.
Карандашный рисунок, сделанный его
одноклассником в Бриенне

написанные в то время его начальниками и преподавателями:

«Г-н Бонапарт (Наполеон), родился 15 августа 1769 года. Рост 4 фута 10,8 дюйма. Окончил курс 4-й ступени. Хорошего сложения, превосходного здоровья; характер послушный; честный, признательный, поведения весьма исправного. Всегда отличался прилежанием к математическим наукам. Познания в истории и географии весьма посредственные. Слабо проявил себя в занятиях искусством и в латыни, где его познания ограничиваются четвертой ступенью. Из него получится превосходный моряк. Достоин перевода в Парижскую военную школу.

Де Кералио, инспектор 12 военных училищ».

В Парижской военной школе его преподаватель словесности Дюмезон так отзывался о его сочинениях по риторике: «Это гранит, раскаленный в вулкане».

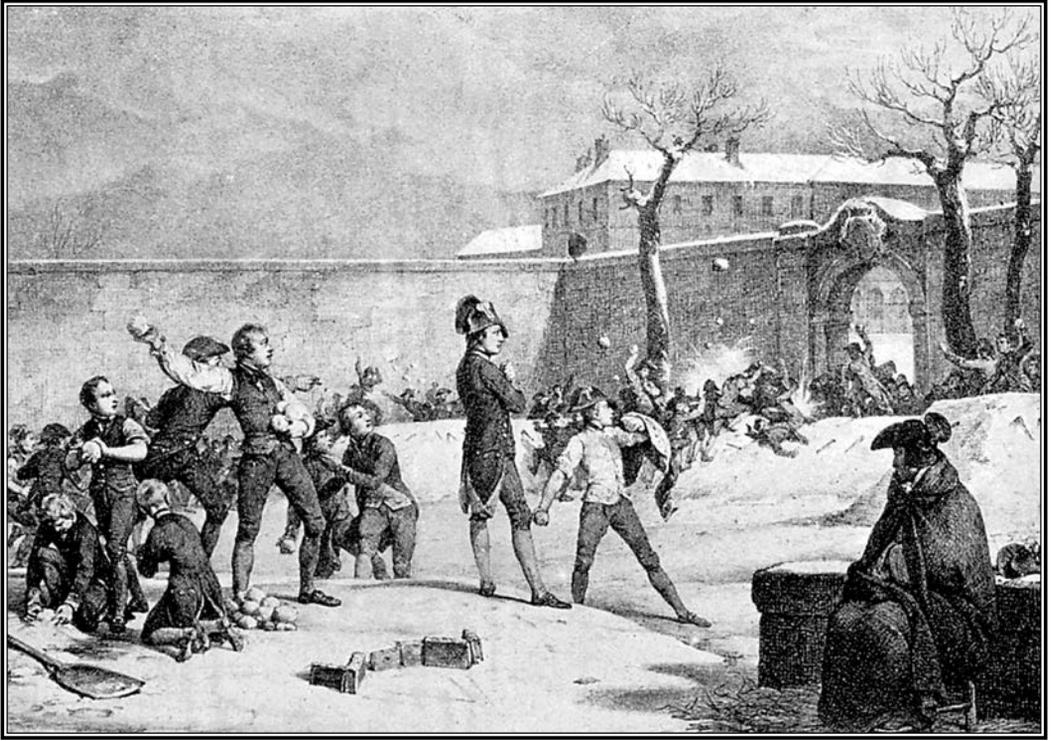
сравнивать их с портретом, который тринадцатью годами раньше написал с натуры Гро. В этих двух композициях Наполеон одет в форму курсанта училища: обшитая галуном треуголка, сюртук с расшитыми обшлагами, черные рейтузы, бублики и косичка. На одном из рисунков он изображен стоящим на посту. Отвлекаясь от своих обязанностей часового, он чертит острием штыка на стене планы укреплений.

На другой гравюре мы видим его погруженным в размышления перед начерченным им планом.

По окончании Бриеннского военного училища Наполеон перешел в Парижскую военную школу (1784 г.), откуда был направлен на службу в артиллерийский полк. Вот некоторые замечания,

Бонапарт, курсант Бриеннского
военного училища.
Литография Шарле

Детство Наполеона.
Литография Ораса Верне

Преподаватель истории де Л'Екий оставил о своем ученике такой пророческий отзыв: «Это корсиканец по рождению и по характеру. Он далеко пойдет, если обстоятельства будут ему благоприятствовать».

Талантливый скульптор Луи Роше, один из лучших учеников Давида д'Анже, в 1851 году изваял из мрамора прекрасную статую Бонапарта в Бриенне, на создание которой его вдохновили следующие слова из «Мемориала с острова Святой Елены»: «В мыслях моих Бриенн – моя родина, там я впервые ощутил себя человеком». Уменьшенная копия этой статуи, отлитая из серебра, потом была передана в Лувр, в Музей монархии.

В период между 1788 и 1796 годами, то есть по выходе из Бриеннского училища и до битвы при Арколе, в жизни Наполеона произошло довольно много памятных событий, способных вдохновить талантливых живописцев и иллюстраторов. Это прежде всего экспедиция на Сардинию, король которой вел войну против Французской республики. Во главе двух корсиканских батальонов Наполеон овладел крепостью Сент-Этьен и островами Мадлен. Это было его боевое крещение, его первый военный успех. Однако корабли морской дивизии, которая должна была поддержать десантом корсиканские батальоны, были рассеяны штормом, и поход сорвался. Молодой Бонапарт получил приказ вернуться на Корсику, не закрепив своей победы.

Бонапарт в Валансе.
С картины Франсуа Фламана

Не менее впечатляет и бегство с Корсики (1793 год), и артиллерийский обстрел Авиньона, когда он сам наводил на роялистские войска прицелы пушек доблестного генерала Карто, и осада Тулона, и тюремное заключение, и 18 вандемьера...

Его жизнь в Валансе могла бы также послужить сюжетом для мастеров жанровых сценок. Там началась его военная служба в чине подпоручика в полку де ля Фер, и там, по странной непоследовательности своего сердца, он написал «Диалог о любви», при этом рассеянно предаваясь нежной страсти, которую зажгла в нем Каролина дю Коломбье.

В этом юношеском опусе мы встречаем колкое замечание, по меньшей мере странное в устах семнадцатилетнего офицера: «Любовь причиняет больше вреда, чем пользы, и со стороны нашего божественного покровителя было бы благодеянием избавить нас от любви и освободить от нее людей».

Небольшая, но очень интересная картина Франсуа Фламана, которую мы здесь воспроизводим, изображает Наполеона, сидящего за столом, заваленным бумагами, в комнате с более чем скромной обстановкой. Это его жилище в Валансе. Молодой поручик артиллерийского полка погружен в литературно-философские размышления. Возможно, он пишет свой «Диалог о любви», а может быть, «Записку о принципах и установлениях, которые следует дать людям для наиболее полного их счастья». Эта записка была бы навсегда утеряна для потом-

ков, если бы брат Наполеона Луи не снял с нее копию. Наполеон, став императором, сжег записку, думая, что она существует в единственном экземпляре. Именно в этой записке выражена прекрасная мысль: великие люди подобны метеорам, которые сверкают и сгорают, чтобы осветить землю.

И все же этот отрезок его жизни между 1788 и 1796 годами не остался совсем обойденным вниманием мастеров изобразительного искусства. Мы обязаны упомянуть здесь портрет Бонапарта, артиллерийского лейтенанта, написанный Грезом. Престарелый художник по странному капризу придал чертам Наполеона сходство с женственным и кукольным обликом своей Девушки с разбитым кувшином.

Фредерик Массон, которому лучше, чем кому бы то ни было, известны самые интимные подробности истории первой Империи, и неоценимые свидетельства которого мы не раз будем цитировать в этой книге, так высказывается на этот счет.

«Принято считать, что портрет, приобретенный графом Ла-Казом, был написан Грезом в 1789 году. В действительности это чистой воды вымысел, который никого не должен бы вводить в заблуждение. Достаточно взглянуть хотя бы на короткие не напудренные волосы, чтобы изобличить обман. То же самое можно сказать и о странной неуставной форме. К тому же скудного жалования лейтенанта едва хватало на жизнь, где уж тут заказывать свой портрет Грезу. С введением консульства Грез, получив несколько заказов на портреты первого консула, а вместе с ними и за-

Боевое крещение Бонапарта на Сардинии.
Литография Раффе

Портрет артиллерийского лейтенанта Бонапарта.
Художник Жан-Батист Грез

даток, стал добиваться дополнительных сумм (письмо Шампаньи от 19 вантоза XII года). Вероятно, он решил, что войдет в фавор, если все будут думать, что он знал Наполеона в юности и тогда уже писал с него портрет, возможно безвозмездно. С этой целью он и придумал этот портрет, в котором все вопиюще фальшиво...».

Много лет спустя Шарле на прекрасной, получившей широкую известность литографии также изобразил молодого лейтенанта, который стоит, опершись рукой о спинку стула, на террасе дворца Тюильри, и смотрит, как толпа мятежников заполняет сад и бросается убивать швейцарцев (1792 год).

Наполеону с его властной натурой было тяжело наблюдать этот взрыв неистовой ярости толпы. Слова, в которых он выразил свое отношение к этим страшным событиям в разговоре со своим другом Бурьеном, свидетельствуют о том, что он не мог без отвращения смотреть на сумятицу и бесчинства, творимые победившим народом. «Жаль, – будто бы сказал он, – что я не видел, как разогнали всю эту сволочь...».

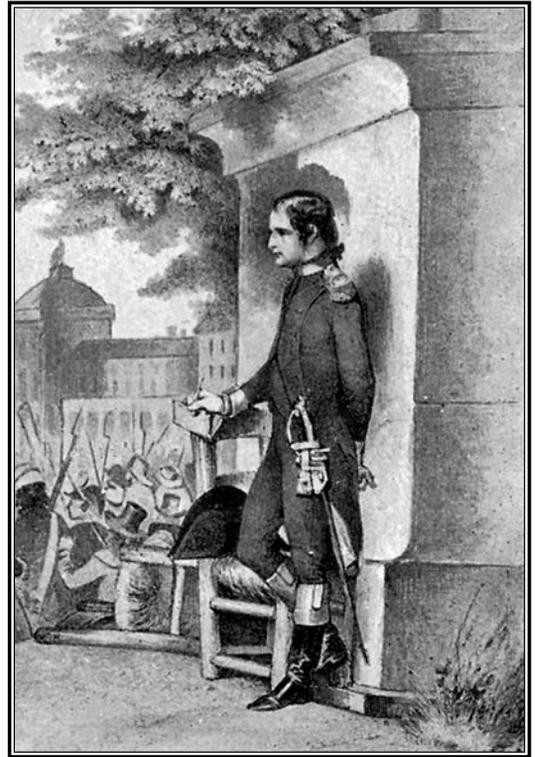
Впрочем, он быстро осознал неодолимую силу восставшего народа и, несмотря на все свое отвращение, пошел за ним до конца, став верным слугой Революции вплоть до момента, когда она перестала отвечать его интересам. Во время краткого пребывания в Бокере, когда он провел молниеносную операцию по подавлению роялистского мятежа, вспыхнувшего на юге, он уже проявляет себя как начинающий политик. Вечером того же дня, как войска вошли в Бокер (28 июля 1793 года), молодой капитан Бонапарт, будущий друг Робеспьера-младшего и протеже самого Максимилиена, ужинал в харчевне этого маленького городка в обществе нескольких торговцев, приехавших из Монпелье, Нима и Марселя.

Эту ставшую исторической сцену художник Леконт дю Нуи и запечатлел на своей картине.

За ужином между молодым офицером и торговцами разгорелся спор о политическом положении в стране. Мнения разделились. Капитан Бонапарт с жаром защищал свои республиканские убеждения. Без сомнения, в ту пору он был искренен, честолюбие еще не успело растрезвожить его души. «Ни вандемьер, ни Монтенотте, – говорил он в конце жизни, – еще не заставили меня ощутить себя выдающимся человеком; только после Лоди мне пришла мысль, что я, в сущности, вполне могу сыграть главную роль на политической сцене. Тогда-то и вспыхнула первая искра благородного честолюбия».

Спор с торговцами лег в основу знаменитой брошюры Наполеона, которую он несколькими днями позже опубликовал в Авиньоне под заголовком «Ужин в Бокере». Небольшая, но очень интересная брошюра написана в форме живого и остроумного диалога. Военные и политические взгляды, которые выразил в ней Наполеон, отличаются прозорливостью. Публикация произвела прекрасное впечатление, и республиканец Наполеон вскоре сумел этим воспользоваться.

Главные эпизоды осады Тулона, принесшей Бонапарту чин генерала и ставшей отправной точкой его блестящей карьеры, нашли свое отражение в многочисленных картинах и гравюрах. Отметим только прекрасную гравюру из собрания Эннена, исполненную в то время тулонским художником. На ней Бонапарт, стоя за бруствером, наблюдает в подзорную трубу за маневрами канонерок противника. В этом же собрании есть прелестная гравюра того же времени, на которой изображено взятие форта Мюльграв. Потом, когда все осознали, что осада Тулона вошла в историю как отправной пункт гигантской эпопеи, все наши самые знаменитые военные иллюстраторы разложили это блестящее сражение на мельчайшие детали, чтобы сотворить из них прекрасные композиции. Это относится к картинам «Взятие Малого Гибралтара» Раффе, «Батарея неустрашимых» Ораса Беланже, «Встреча Бонапарта и Жюно» Ораса Верне. Последняя картина в каждом издании неизменно сопровождается забавной историей, ставшей уже хрестоматийной.

Бонапарт в Тюильри (10 августа 1792 года).
Литография Шарле